

УДК 1**Интерпассивность и наслаждение: альтернативное понимание субъекта****Рошка Артем Владимирович**

Студент,

Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, площадь Миусская, 6;
e-mail: vlad.karelin@gmail.com**Карелин Владислав Михайлович**

Кандидат философских наук, доцент,

доцент кафедры современных проблем философии,

Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, площадь Миусская, 6;
e-mail: vlad.karelin@gmail.com**Аннотация**

В статье рассмотрены основополагающие аспекты концепта «интерпассивность», введенного и разработанного в исследовательских проектах современных философов Роберта Пфаллера и Славоя Жижека. Использование данного концепта является основанием для радикального расширения представления о субъекте не только как источнике активности, но и как обладателе пассивности. Пассивность, в свою очередь, оказывается не простым отсутствием действия или восприятием внешней активности, а парадоксальным режимом субъектности, основанном на делегировании наслаждения. В результате проведенного анализа в структуре феномена интерпассивности можно выявить важное уточнение. Если одним из полюсов интерпассивности является эффект, заключающийся в «активности посредством другого», то на другом полюсе мы с необходимостью обнаруживаем «рефлексивное превращение» – делегирование пассивности другому, т. е. эффект «пассивности посредством другого». С одной стороны, происходит замещение субъекта означаемым («кто-то/что-то делает что-то вместо меня»), с другой же – замещение субъекта объектом, посредством которого субъект остается пассивным. Замещение такого рода, как уверен Жижек, представляет собой даже более изначальное замещение, нежели замещение субъекта.

Для цитирования в научных исследованиях

Рошка А.В., Карелин В.М. Интерпассивность и наслаждение: альтернативное понимание субъекта // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 3А. С. 100-106.

Ключевые слова

Активность, пассивность, интерактивность, интерпассивность, Другой, наслаждение, Славой Жижек, Роберт Пфаллер, философия субъекта.

Введение

В гуманитарных науках существует множество теорий субъекта, подходы которых, порой радикально различаясь, обычно сходятся в общем представлении о субъекте как об источнике некоторой активности. Традиционное понимание обычно указывает (зачастую имплицитно), что минимум такой конфигурации состоит именно из «субъекта» и «активности», которые не просто взаимно обусловлены, но и образуют континуальное и каузальное единство: нельзя представить себе активность саму по себе и предположить, что она может быть как-то делегирована субъектом и «оторваться от него». Впрочем, такая простая и весьма условная схема часто требует сильной корректировки при всякой необходимости введения в нее других субъектов и интерсубъективных взаимодействий. Соответственно, она оказывается непригодной и для описания особого режима активности взаимодействия, наиболее отчетливо обозначившимся с приходом новых электронных медиа, а именно – режима интерактивного взаимодействия, при котором необходимым условием функционирования объекта, в частности, и условием успешности взаимодействия, вообще, является вклад собственной активности субъекта.

Однако концепт интерактивности в настоящее время нередко оказывается недостаточным для интерпретации активности субъекта, как в режиме активности, так и пассивности. Славой Жижек, современный словенский философ, говорит о необходимости расширить проблематику с помощью концепта «интерпассивность». С момента своего появления и явной артикуляции в 1996 году [Pfaller, 2015, 28; Žižek, 2008, 144] этот термин, автором которого является австрийский философ и теоретик культуры Роберт Пфаллер, обнаруживается в различных областях культурного пространства и задействуется для решения разнообразных проблем. Что интересно, исходно не психологических или философских. Необходимость в разработке нового концепта, как показывает Пфаллер, обозначилась в результате обнаружения им с 90-ых годов в сфере искусства устойчивой зависимости между популярностью и авторитетностью арт-проектов тех или иных художников и ориентацией на провозглашения этих произведений «интерактивными». Для Пфаллера такое положение вещей явилось симптомом более общей тенденции в искусстве начиная с 1980-х, заключающейся в том, что художники в некотором смысле были отчуждены от результатов своих собственных практик «заимствованным языком» критиков и теоретиков – своеобразных суфлеров, навязавших самим авторам произведений популярную стратегию рефлексии современной художественной практики [Pfaller, 2015, 27]. Из-за увеличивающейся влиятельности роли кураторов и новой политики относительно сферы финансирования художественных исследований, художникам было выгодно использовать этот «похищенный» язык, тем самым пытаясь впечатлить как кураторов, так и представителей фондов, финансирующих исследования в области искусства. Таким образом, популярное понятие интерактивности, изначально задействованное в сфере информационных технологий и исследований разнообразных медиа, «неестественно» закрепляется в поле дискурса о современном искусстве.

Проблематизация интерактивности в современном искусстве

Но создание Пфаллером нового концепта интерпассивности и контрастное упоминание на обозначенную дискурсивную гегемонии интерактивности является не просто бунтом против *теоретического* диктата кураторов над всевозможными *практиками* художников. Пфаллер

показывает, что сам концепт интерактивности плодит больше вопросов, нежели ответов в самой теории, что выражается в ряде вопросов: «Чувствовали ли зрители себя более раскрепощенно (emancipated), если им приходилось способствовать законченности произведения [интерактивного] искусства? Разве быть “активным” (для примера – вовлеченным) всегда непременно лучше, нежели сохранять дистанцию? И действительно ли приносит больше эстетического удовольствия то, что зрителю приходится оказывать воздействие и видеть это [свое собственное присутствие в произведении искусства], вместо того, чтобы созерцать независимое произведение искусства? Правда ли, что инсталляции в самом деле “стирают”, как иногда обещают, границу между художником и зрителем?» [Pfaller, 2015, 27].

Для Пфаллера интерактивность в искусстве предполагает, что зритель оказывается не только вовлеченным в восприятие, т.е. пассивен по отношению к произведению искусства, но и обязанным «инвестировать» свою активность, делая ее творческой и направляя ее на реализацию идеи произведения, делая его тем самым «завершенным» [Pfaller, 2017, 54]. Здесь, как мы видим, происходит концептуальный сдвиг в отношении того, каким образом понятия активности, с одной стороны, и пассивности – с другой, начинают фигурировать. В примере Пфаллера простое созерцание произведения искусства обозначается как пассивное в том смысле, что кроме этого созерцания от зрителя не требуется более никакого усилия. Конечно, зрителю все также приходится, к примеру, добираться до места экспозиции, т. е., в более традиционном смысле, – быть активным. Такая диспозиция пассивности (и, соответственно, активности) становится возможной в пространстве интерактивных произведений искусства, «несовершенных» в смысле их незавершенности. Возвращаясь к вопросам о том, получают ли зрители большее эстетическое удовольствие, когда вынуждены быть со-участниками произведения интерактивного искусства, сам Пфаллер замечает, что они не хотят быть вовлеченными в активность и, более того, стремятся избежать пассивной причастности [Pfaller, 2015, 27], т.к. стремятся также уклониться и от роли простых созерцателей.

Логика пассивности субъекта

Альтернатива интерактивности, ее инверсивная структура, таким образом, предстает в виде *интерпассивности*. Такая инверсия в отношении произведения искусства произвела бы следующее. Если отличительным признаком интерактивного произведения искусства, по мысли Пфаллера, была его своеобразная незавершенность, то, в силу того, что зрители были бы освобождены как от творчества, так и от созерцания, такое произведение стало своеобразным объектом, предназначенным для того, чтобы созерцать самого себя [Pfaller, 2017, 54].

Эта экстернализация пассивного опыта субъекта, который интерпассивным жестом как будто становится не просто *не-активным* (в том смысле, что ему не приходится активно взаимодействовать, дополнять, к примеру, интерактивное произведение искусства), но и *лишенным* всякой пассивности (или, как выразился Пфаллер, такой субъект может обладать значительной мерой пассивности по сравнению с «простой пассивностью» [Pfaller, 2014, 19]), реактивирует лакановский концепт субъекта как принципиально децентрированной фигуры. Эта децентрированность заключается в том, что в пространстве Символического активность и пассивность субъекта присуща не ему самому, но их берет на себя Большой Другой. Большой Другой всегда «делает что-то» вместо субъекта.

Наиболее любопытным следствием такой оптики является то, что режим интерпассивности для субъекта может быть желанен и даже намеренно «подстроен», сконструирован. Иными

словами, ситуация такого рода может возникать не *только* вследствие определенной структуры объекта, где «означающее» пассивного опыта субъекта уже «пристегнуто» к некоторому «означаемому», и это «означаемое» отнюдь не «внутренний» опыт субъекта, его переживания, эмоции и т. д., а, используя сюжет фетишистского замещения, некоторая вещь, объект, короче говоря – некоторый агент, медиум интерпассивности, *но также* и вследствие желания самого субъекта избавиться от этого пассивного опыта, делегировать его. Типичный пример ситуации приводит Жижек, по его словам, хорошо известной многим обладателям домашней видеотехники. Он замечает, что из-за видеоманитофонов люди стали в действительности смотреть не больше фильмов, а намного меньше, чем прежде. Не имея достаточно свободного времени на телевидение, как, впрочем, и на любой просмотр видеоряда, многие записывают фильмы на видеокассеты, чтобы посмотреть как-нибудь после. Однако это ничуть не гарантирует того, что время найдется и на просмотр этой записи – в результате пленка попросту отправляется в коллекцию, однако «зритель» чувствует себя спокойным и удовлетворенным, как если бы он не записал, а посмотрел фильм. В итоге ситуация выглядит так, будто бы видеоманитофон постоянно «смотрит» фильмы вместо своего владельца [Жижек, 2005, 19–20].

То, что в результате выражается в меньшем количестве просмотренных фильмов, демонстрирует примечательную вещь: субъект ведет себя так, будто бы уклоняется от возможности просмотра того или иного фильма, а помогает ему в этом, в нашем случае, видеоманитофон. Собственно, заметна амбивалентность такого рода процесса. С одной стороны, поставив на запись понравившийся фильм, можно спокойно продолжать работать или отправиться на встречу с друзьями (как предлагает сделать Пфаллер). И человек, закончив работу или вернувшись со встречи, проверяет «все ли записалось, и с чувством глубоко удовлетворения ставит запись на полку, даже не просмотрев ее» [Pfaller, 2017, 55]. Таким образом, ставка на интерпассивность, ее своеобразное «двойное дно», позволяет в некоторых случаях не просто сбежать от «наложенной *Сверх-Я* обязанности наслаждаться самому» [Жижек, 2005, 19], но и странным образом удвоить удовлетворение, как в случае со встречей с друзьями вместо просмотра.

Инстанция Сверх-Я и делегирование наслаждения

Выражаясь радикальнее, то самое делегированное наслаждение, пассивный опыт этого наслаждения является непосильным бременем для субъекта, чем-то репрессивным и угнетающим, что и делает интерпассивность желанной. Жижек пишет: «Единственный реальный способ объяснить удовлетворение и освободительный потенциал возможности наслаждения посредством Другого (т. е. освобождения удовольствия и смещения его на Другого) заключается в признании того, что само по себе удовольствие не бывает непосредственным, спонтанным состоянием, а опорой его служит императив Сверх-Я» [Жижек, 2005, 24]. Жижек здесь прямо опирается на установленную Лаканом связь между Сверх-Я, наслаждением и повелительным наклоном. Как декларировал Лакан в одном из своих семинаров, «наслаждаться понуждает человека только одно – его Сверх-Я. Сверх-Я и есть не что иное, как императив наслаждения – Наслаждайся!» [Лакан, 2011, 9]. Иными словами, фрейдистское понятие Сверх-Я (*Über-Ich*, *Super-Ego*) представляет собой «жестокую и садистскую этическую инстанцию, которая бомбардирует нас невыполнимыми требованиями и восторженно созерцает наши неудачи при встрече с ними» [Žižek, 2007, 80].

Следовательно, во-первых, бегство от наслаждения, от императива наслаждаться, или, как пишет Жижек, «от чудовищной обязанности» получать удовольствие [Жижек, 2005, 26], стало

быть, является продуктивной, эмансипирующей стратегией для субъекта, т. к. очевидная императивность препятствует получению этого удовольствия и удовлетворения от него. Во-вторых, как предполагает С. Жижек, принципиальным образом субъекта может детерминировать не его активность или пассивность, а прежде всего интерпассивность [Жижек, 2005, 27].

Для прояснения новой диспозиции активности/пассивность в отношении проблематики субъектности С. Жижек прибегает к противопоставлению концепта интерпассивности гегельянскому концепту «хитрости разума» (*List der Vernunft*): *хитрость* разума, как и его могущество, заключается «в опосредствующей деятельности, которая, дав объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь свою собственную цель» [Гегель, 1974, 397]. Т. е., к примеру, преследуя собственные частные интересы, взаимодействуя ли друг с другом, вступая ли в конфронтацию, тем самым люди в конечном итоге (опосредованно) служат для достижения цели/целей гегелевского Мирового Духа. В этом случае субъект активен посредством Большого Другого, воплощенного в Мировом Духе. «В случае интерпассивности, – как пишет С. Жижек, – я пассивен посредством Другого, я уступаю Другому пассивный аспект (наслаждения), тогда как я могу оставаться активно занятым (я могу продолжать работать вечером, в то время как видеомонитор пассивно наслаждается за меня; я могу приводить в порядок финансовые дела покойного, в то время как плакальщицы оплакивают его за меня)» [Жижек, 2005, 28]. Благодаря такому рассмотрению становится возможным ввести нового концептуального персонажа – «субъекта, предположительно наслаждающегося», – т. е. еще одну ипостась Большого Другого. Именно «субъект, предположительно наслаждающийся», выражаясь более радикально, является тем «козлом отпущения», принимающий на себя основной урон от «бомбардировки» требованиями наслаждения, адресованными субъекту от Сверх-Я.

Заключение

В результате проведенного анализа в структуре феномена интерпассивности можно выявить важное уточнение. Если одним из полюсов интерпассивности является эффект, заключающийся в «активности посредством другого», то на другом полюсе мы с необходимостью обнаруживаем «рефлексивное превращение» – делегирование пассивности другому, т. е. эффект «пассивности посредством другого». С одной стороны, происходит замещение субъекта означаемым («кто-то/что-то делает что-то вместо меня»), с другой же – замещение субъекта объектом, посредством которого субъект остается пассивным. Замещение такого рода, как уверен Жижек, «представляет собой даже более изначальное замещение, нежели замещение *субъекта* (*курсив мой*. – Р. А.) означаемым <...> объектом изначально является нечто, что страдает, “переживает” что-то за меня, вместо меня: короче говоря, то, что наслаждается за меня» [Žižek, 2008, 151].

Таким образом, именно замещение субъекта объектом позволяет скрыться от потока приказов Сверх-Я, делегировав их исполнение Другому и тем самым освободившись для «занятий своими делами», что демонстрирует освободительный потенциал интерпассивности. Именно интерпассивность, как пишет С. Жижек, «обеспечивает элементарный уровень, необходимый минимум субъективности: для того, чтобы быть активным субъектом, я должен освободиться от инертной пассивности (и перенести ее на другого), составляющей плоть моего субстанциального бытия» [Жижек, 2005, 31-32].

Библиография

1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.
2. Жижек С. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм. СПб.: Алетейя, 2005. 156 с.
3. Лакан Ж. Еще. Семинары: Книга XX (1972/1973). М.: Гнозис; Логос, 2011. 176 с.
4. Pfaller R. Althusser's Best Tricks // *Crisis and Critique*. 2015. Vol. 2. No. 2. P. 24-44.
5. Pfaller R. Little Gestures of Disappearance. Interpassivity and the Theory of Ritual // *Interpassivity: The Aesthetics of Delegated Enjoyment*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. P. 53-67.
6. Pfaller R. *On the Pleasure Principle in Culture*. L., NY: Verso Books, 2014. 288 p.
7. Žižek S. *The Plague of Fantasies*. L., NY: Verso, 2008. 320 p.
8. Žižek S. *How to Read Lacan*. NY: W.W. Norton & Company, 2007. 132 p.

Interpassivity and pleasure: an alternative approach to subject

Artem V. Roshka

Graduate Student,
Russian State Humanitarian University,
125993, 6, Miuskaya square, Moscow, Russian Federation;
e-mail: vlad.karelin@gmail.com

Vladislav M. Karelin

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Modern Problems of Philosophy,
Russian State Humanitarian University,
125993, 6, Miuskaya square, Moscow, Russian Federation;
e-mail: vlad.karelin@gmail.com

Abstract

The article discusses the fundamental aspects of the concept “interpassivity” coined by publications of modern philosophers Robert Pfaller and Slavoj Žižek. Originally, the concept was added as a theoretical complement for the concept of interpassivity, which was widely applied in philosophy from 1980’s, especially in respect to modern art. However, later it turned to be a useful category for understanding a range of cultural issues, which are specific to the tendencies of modern society, and which necessarily requires to take into consideration some activity of the subject. The introduction of that concept is the argument for the radical expansion of the philosophical idea of the subject and for representation of it not as mere source of activity, but as possessor of passivity. In its turn, passivity appears to be not only a simple reception of outer impacts and events (or even an absence of activity), but a paradoxical regime of subjectivity, which is based on delegation of pleasure. As a result of the analysis, an important refinement can be identified in the structure of the phenomenon of interpassivity. If one of the poles of interpassivity is the effect of “activity through the other”, then at the other pole we need to find a “reflexive transformation”, the delegation of passivity to another, that is, the effect of “passivity through the other”. On the one hand, the subject is replaced by a signifier, and on the other hand, the subject is replaced by an object by which the subject remains passive.

For citation

Roshka A.V., Karelin V.M. (2019) Interpassivnost' i naslazhdenie: al'ternativnoe ponimanie sub"ekta [Interpassivity and pleasure: an alternative approach to subject]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (3A), pp. 100-106.

Keywords

Activity, passivity, interactivity, interpassivity, Other, pleasure, S. Zizek, Robert Pfaller, philosophy of the subject.

References

1. Hegel G.W.F. (2010) *Encyclopedia of the Philosophical Sciences in Basic Outline. Pt. 1, Science of Logic*. Cambridge: Cambridge University Press. (Russ. ed.: Gegel' G.V.F. (1974) *Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 1. Nauka logiki*. Moscow: Mysl' Publ.).
2. Lacan J. (2016). *Encore (Seminaire livre XX 1972-1973)*. Paris: Points Publ. (Russ.ed.: Lakan Zh. (2011) *Eshche. Seminary: Kniga XX (1972/1973)*. Moscow: Gnozis; Logos Publ.).
3. Pfaller R. (2014) *On the Pleasure Principle in Culture*. London, New York: Verso Books.
4. Pfaller R. (2015) *Althusser's Best Tricks. Crisis and Critique*, 2, 2, pp. 24-44.
5. Pfaller R. (2017) *Little Gestures of Disappearance. Interpassivity and the Theory of Ritual*. In: *Interpassivity: The Aesthetics of Delegated Enjoyment*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
6. Žižek S. (2005) *Interpassivnost'. Zhelanie: vlechenie. Mul'tikul'turalizm [Interpassivity. Desire: drive. Multiculturalism]*. St. Petersburg: Aleteiya Publ.
7. Žižek S. (2007) *How to Read Lacan*. New York: W.W. Norton & Company.
8. Žižek S. (2008) *The Plague of Fantasies*. London, New York: Verso Books.